

В. Я. ЕВСЕЕВ

КАРЕЛЬСКИЕ СКАЗКИ И ПЕРЕСКАЗЫ БЫЛИН ОБ
ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Одним из ярких примеров влияния русской народно-поэтической культуры на карельскую является довольно широкое бытование русских былин в сказочном изложении на разных карельских диалектах. О карельских сказках на былинные сюжеты автор настоящей статьи писал дважды, попутно с постановкой других вопросов о русско-карельских фольклорных связях. Были отмечены отдельные факты распространения среди карел русских былинных сюжетов в форме сказки¹, а также некоторые особенности появления в репертуаре сказителей-карел русских былин в переложении их на родные диалекты². Русским ученым еще до Октябрьской социалистической революции было известно бытование сказок на былинные сюжеты среди финно-угорских народов. Интересные наблюдения имеются у А. Н. Веселовского и В. Ф. Миллера³.

О бытовании русских былин среди карел уже до автора этих строк писали и советские филологи. Однако специального анализа карельских сказок на былинные сюжеты они не делали. Д. В. Бубрих, например, лишь отмечал, что по его мнению, «феодалские карельские верхи примкнули к культивированию русского героического эпоса»⁴ и что в связи с этим «в прослеживании русских связей рун «Калевалы» можно и должно быть смелее...»⁵ Другие советские ученые в своих трудах, посвященных, главным образом, русскому былинному эпосу, также лишь упоминали, что русские былины распространены среди многих народов и, в частности, среди карел. В. Я. Пропп обратил внимание на бытование былин в форме сказки не только среди карел, но и среди коми, удмуртов и других народов⁶. А. М. Астахова в перечне народов, в устной традиции которых встречаются былины об Илье Муромце⁷, кроме карел и названных выше финно-угорских народов, указывает также и финнов⁸.

Задолго до В. Я. Проппа и А. М. Астаховой отдельные случаи испол-

¹ В. Я. Евсеев. Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклорные связи. «Изв. Карело-Финской базы АН СССР», 1948, № 3, стр. 68—89.

² В. Я. Евсеев. К вопросу о взаимодействии карело-финской и русской эпической поэзии. «Тр. Карел. филиала АН СССР», вып. XX, 1959, стр. 30—36.

³ А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. II, вып. 1. СПб., 1913, стр. 108; В. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I. М., 1897, стр. 391—401.

⁴ Д. В. Бубрих. Из истории «Калевалы». В кн.: «Калевала», М., 1933, стр. XIX.

⁵ Д. В. Бубрих. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы». В кн.: «Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы», Петрозаводск, 1950, стр. 150—151.

⁶ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2. Л., 1958, стр. 244.

⁷ А. М. Астахова. Илья Муромец. М.—Л., 1958, стр. 394.

⁸ Данная статья была на рецензии у А. М. Астаховой за три года до выхода в свет ее исследования «Народные сказки о богатырях русского эпоса», где даны основные наши наблюдения в отношении карельских сказок о былинных богатырях.

нения русских былин на коми языке у коми-зырян отмечали Н. Е. Ончуков¹ и А. Д. Григорьев². Фольклористы и этнографы, изучавшие культуру, фольклор и быт народа коми, также касались вопроса о появлении этих былин в репертуаре сказителей коми-зырян. Этнограф В. Н. Белицер вскользь упомянула о русских былинах у коми³. Более подробно этот вопрос освещает Ф. В. Плесовский. Он пишет, что «из-за слабо развернутой собирательской работы» количество записей русских былин на коми языке незначительно, и все это — записи послереволюционных лет. Несмотря на это, Ф. В. Плесовский утверждает, что русские былины, судя по тексту, бытовали в народе и на коми языке: «К русским эпическим богатырям коми относились как к своим»⁴. В сборнике по фольклору коми он публикует две былины на коми языке: былинку об исцелении Ильи, встрече с Соловьем-разбойником, Идолищем поганым и Святогором и былинку «Илья Муромец и Калин царь»⁵. Кроме коми языка, сказки на сюжеты русских былин бытуют на мордовском и удмуртском языках. В частности, уже О. Миллер и В. Каллаш рассматривали легенды о героях мордовского фольклора Скворце, Соловье и Дятле в связи с происхождением имен Соловья-разбойника и Соловья Будимировича⁶. Однако исследователь мордовских сказок А. И. Маскаев пришел к такому выводу, что среди мордвы «совершенно не популярны сказки былинного типа. Зарегистрировано всего несколько сказок этого типа — «Илья Муромец», «Легенда о Сабане» и др. Сказка «Илья Муромец» напоминает русскую былинку «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и, надо полагать, заимствована из русских лубочных сказок или былин»⁷. По поводу записей удмуртских сказок об Илье Муромце их исследовательница Н. П. Кралина высказала несколько иную точку зрения. О сюжете «Исцеление Ильи Муромца и его встреча с Соловьем-разбойником, обжорой Идолищем и богатырем Святогором» она пишет, что «бытование его у удмуртов еще раз говорит об исключительной популярности образа былинного богатыря Ильи Муромца»⁸.

Распространение сказок на сюжеты об Илье Муромце отмечается также и среди марийцев. Марийский фольклорист К. Л. Четкарев в сборнике марийских сказок опубликовал текст на былинный сюжет об исцелении Ильи и встрече со Святогором, после смерти которого Илья Муромец становится Ильей пророком⁹. Мотивы об Илье Муромце встречаются и в другой марийской сказке¹⁰. По поводу марийских сказок на былинные сюжеты К. Л. Четкарев писал: «Илья Муромец, который вошел в марийский фольклор раньше других, является по сказкам сыном марийского крестьянина»¹¹.

¹ Н. Е. Ончуков. Былинная поэзия на Печоре. „Живая старина“, 1902 вып. III и IV.

² А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг. Т. I. М., 1904, стр. 16.

³ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 350.

⁴ Ф. В. Плесовский. О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам. Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 139.

⁵ Коми мойдъяс, свыланкывъяс да пословицас. Сыктывкар, 1956, стр. 122—126; № 17 и 54.

⁶ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869. В. Каллаш. Соловей-разбойник и Соловей Будимирович. „Этнографическое обозрение“, 1890, кн. 5, № 2.

⁷ А. Маскаев. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947, стр. 55.

⁸ Сто сказок удмуртского народа. Составитель Н. Кралина. Ижевск, 1960, стр. 298; текст сказки см. там же, стр. 183—188.

⁹ К. Л. Четкарев. Марийские сказки. I. 1941, стр. 270—272.

¹⁰ Там же, стр. 264—269.

¹¹ Там же, стр. 176—177.

Позднее К. Л. Четкарев несколько подробнее останавливался на раскрытии образа Ильи Муромца в марийских сказках, близость которого к марийскому фольклору он видел и в том, что «Илья Муромец является верным помощником героев марийских сказок... Илья Муромец в марийском фольклоре сыграл громадную роль в создании положительных героев марийских сказок и легенд»¹.

Встречаются сказочные обработки былинных сюжетов об Илье Муромце и в эстонском фольклоре; в эстонских преданиях об Илье Муромце фольклорист Р. Вийдалепп находит общие черты с преданиями о Калевипоэге².

Наконец, отметим бытование сказок об Илье Муромце у непосредственных соседей карел — вепсов. В частности, на вепском языке сказка об Илье Муромце записана в 1938 году в б. Шелтозерском районе Карельской АССР от И. А. Бузаева³.

Сказки на былинные сюжеты среди карел распространены достаточно широко, но, к сожалению, количество записей ограничивается двумя десятками вариантов, если не считать повторных записей от таких сказителей-карел, как Т. Е. Туруев. В оценке текстов Т. Е. Туруева мы присоединяемся к мнению А. М. Астаховой, писавшей о том, что «чрезвычайно интересный материал в деле взаимодействия книжных источников и устной традиции... представляют записи былин от современного прионежского сказителя-карела Т. Е. Туруева из Сегозера»⁴.

Наибольшее количество былин как по-карельски, так и по-русски записано от Т. Е. Туруева. В большинстве записей на этих языках сохранен былинный размер и другие особенности поэтики жанра. От Туруева сделаны записи сказок на былинные сюжеты. Кроме сказки на сюжет «Исцеление Ильи и Соловей-разбойник» от него по-карельски записаны былины на сюжеты «Илья и Калин-царь», «Илья Муромец и Сокольник», «Вольга Всеславьевич», «Дунай Иванович», «Добрыня и Алеша», «Дюк». Большинство карельских вариантов былин Т. Е. Туруева имеет литературный источник — сборник былин Авенариуса⁵. Этот источник в отношении тех же былин, записанных от Т. Е. Туруева на русском языке, правильно установлен А. М. Астаховой⁶. Карельские варианты былин Т. Е. Туруева лишь в незначительных деталях отличаются от русских записей тех же былин. Поэтому вслед за А. М. Астаховой мы можем подтвердить, что, подобно русским записям, карельские варианты былин Т. Е. Туруева на разные сюжеты также восходят к сборнику Авенариуса. Из них как русский, так и карельский варианты былины «Дюк» больше, чем другие его былины, отклоняются от источника⁷. Незначительное различие между русским и карельским вариантами сказки Т. Е. Туруева «Про Илью» может быть объяснено тем, что его былины восходят не только к литературному источнику, но и к бытующим на карельском языке сказкам на былинные сюжеты. Это подтверждается анализом карельских сказок на былинные сюжеты, записанных от других сказителей карел.

¹ К. Л. Четкарев. Идеи патриотизма в русских былинах. «Уч. зап. Марийского науч.-исслед. ин-та истории, языка и литературы», вып. IV, Йошкар-Ола, 1951, стр. 149.

² R. Viidalepp. Materjale Kalevipojast ja vene vägilastest. „Sirp ja vasar“, 1961, 31 марта; Р. Вийдалепп. Калевипоэг и русские богатыри. Научная сессия, посвященная 100-летию Калевипоэга. Тезисы докладов, Таллин, 1961, стр. 24—26.

³ Архив карельского филиала АН СССР, колл. 57 (далее: Архив КФАН).

⁴ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 299.

⁵ В. П. Авенариус. Книга о киевских богатырях. Свод 24-х избранных былин древнекиевского эпоса. СПб., 1876.

⁶ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 299—313.

⁷ Там же, стр. 301.

В исследовании «Русский былинный эпос на Севере» А. М. Астахова пишет, что для былин, записанных от Т. Е. Туруева, характерна «замена нетрадиционного традиционным»¹. Причина такой замены кроется, очевидно, в том, что многие сказители-карелы сохраняли устную традицию отдельных русских былин на протяжении ряда поколений; у Т. Е. Туруева литературное влияние сборника Авенариуса ограничивалось несомненным знанием устной былинной традиции, что и приводило «к замене нетрадиционного традиционным».

Былинные сюжеты в виде сказок на карельском языке широко бытовали во многих районах Карельской АССР в самых различных вариантах, нередко в плохих пересказах, восходивших к лубочным изданиям русских былин, имевшим распространение также и среди карел, и к народным версиям, возникавшим при вольном и неумелом устном переводе их на карельский язык. Возможно, что бытование русских былин на карельском языке еще до появления лубка способствовало сохранению у карел на их родном языке таких былинных мотивов, которые не сохранились в вариантах, записанных от русских сказителей. Для подтверждения этого вывода необходимо продолжить выявление новых вариантов карельских сказок на былинные сюжеты, а также изучение карельских сказок на другие сюжеты.

Своеобразие отдельных записей былин в сказочной форме в некоторых случаях можно объяснить контаминацией былинных и сказочных сюжетов. Так, в карельской сказке «Иван Куропеевич»² к сказочным мотивам («Звериное молоко» и «Неверная жена», по Указателю Андреева-Аарне — 315 А+В) примыкает (без мотива чудесного исцеления Ильи) повествование о том, как Иван вырывает руками деревья и после попыток купить коня за 100 и 200 рублей покупает жеребца, кормит его до осени и едет на нем себя показать и других посмотреть. В иных случаях от былин об Илье Муромце в таких сказках остается лишь имя и общая характеристика героя. Например, согласно карельской сказке, записанной в 1932 году М. Любовиным в д. Важинская Пристань Пряжинского района Карельской АССР от Ф. Т. Фролова, богатырь Муромский идет состязаться с Оником-воином, который в один день 30 тысяч человек побеждал. Оника-воин побратался со своим противником, богатырем Муромским, который пообещал ему своих сыновей, о рождении которых еще сам не знал. Тут в повествование вплетается сказочный сюжет («Чудесное бегство», по Указателю Андреева-Аарне — 313), изображаются встречи героя сказки с сестрой и женой богатыря Муромского, полоненными многоглавыми змеями, и возвращение героя с сыновьями Муромца.

Можно сослаться еще на один случай контаминации карельской сказки «Обледеневшее царство», не имеющей отношения к русскому эпосу, с былинным мотивом передачи богатырской силы через последний вздох умирающего. Но в этой карельской сказке³ ни Илья Муромец, ни Святогор не упоминаются, хотя отмеченный мотив использован из былины об этих богатырях.

Контаминацию сказочного сюжета и сюжета былины «Ставер» можно видеть в карельской сказке, записанной в с. Иломанци в восточной Финляндии в 1932 году от уроженки с. Поросозеро Оути Максимаинен. В этой сказке Ставер назван Берда Хорданой, а его жена — Алешей Поповой⁴. Сказочный мотив, несколько напоминающий мотив исцеле-

¹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 312.

² Записана в д. Саримяки Олонецкого района КАССР от В. Н. Сорокина.

³ Карельские сказки. Петрозаводск, 1947, стр. 49.

⁴ Karjalan kielen näytteitä. II. Helsinki, 1934, стр. 142—144.

ния Ильи, появляется и в поздней записи сказки про трех сыновей (по Указателю Андреева-Аарне —707) ¹.

В карельских сказках случаи контаминации сказочных и былинных сюжетов не единичны.

Тексты сказок записаны не только в Карельской АССР, но имеется запись сказки на былинный сюжет от сказителя-карела из Калининской области, где былины среди русских не бытуют; встречаются лишь сказки на эти сюжеты. Есть некоторые основания думать, что сказки на сюжеты былин начали распространяться среди калининских карел уже несколько столетий назад, когда их предки жили по соседству с предками карел Карелии. Вполне возможно, что русские былины в прозаическом пересказе на карельском или на русском языках исполнялись теми скomorохами и песенниками, которые упоминаются в писцовых книге Водской пятины за 1568 год в числе лиц, облагаемых феодальными повинностями в г. Кореле. Собиратели фольклора отмечают, что отдельные русские былины записаны от сказителей-карел уже в XIX веке ².

Бытование русских былин среди карел свидетельствует о многовековом благотворном влиянии русской народной культуры на культуру этого народа. Мы уже ранее высказывали предположение о том, что былины об Илье Муромце, Добрыне и Алеше Поповиче, Дюке Степановиче и в прозаическом виде, и в форме быliny распространились среди карел около трех-четырех столетий тому назад ³. За это время, как видно из отдельных былин, записанных по-карельски, даже имя Ильи Муромца иногда под воздействием имени героя карело-финских рун — кузнеца Илмаринена — заменяется именем «Ильма Муромец». В это же время в основном были утрачены былинныe напевы, и русские былины сохранились на карельском языке чаще всего в сказочной форме, если не принимать во внимание четкий былинный размер в большинстве записей от Т. Е. Туруева. Однако и Т. Е. Туруев, так же как сказительница-карелка И. Т. Лаукканен из северной Карелии, принадлежал к исполнителям, сказывавшим большинство своих былин.

Среди карел засвидетельствовано бытование ряда сказок на русские былинныe сюжеты. Это, прежде всего, былина об исцелении Ильи Муромца и первых его подвигах. Впрочем, среди русских сказителей былина об исцелении Ильи, как известно, исполнялась в большинстве случаев как сказка, рассказ. Многие исследователи приходят к выводу о том, что сюжет об исцелении Ильи Муромца всегда был сказочным и поэтому не сопровождался былинным напевом. «Сюжет об исцелении, с которым по преимуществу и связан мотив крестьянства Ильи Муромца, сложился, как показало исследование, в позднее время, не ранее XVI—XVII вв.» ⁴ Эта былина-сказка бытует среди карел на карельском языке почти так же широко, как и среди русских. Известно, что у русских в сказочной форме она была обнаружена преимущественно на Севере, по соседству с карелами, коми и другими народами Северо-запада СССР. Все это и, прежде всего, отражение в ней крестьянских идеалов дает ключ к решению вопроса о среде, в которой сложилась былина.

Источниками сказок на былинныe сюжеты для карел могли быть как лубочные издания былин на русском языке, так и живое исполнение былин и сказок на былинныe сюжеты на русском языке перед владеющими русским языком карелами, достаточно вольно пересказывавшими

¹ Карельские народные сказки. Петрозаводск, 1959, стр. 128—133.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. Т. 2. М., 1909—1910, стр. 3.

³ В. Я. Евсеев. К вопросу о взаимодействии карело-финской и русской эпической поэзии. „Тр. Карел. филиала АН СССР“, вып. XX, 1959, стр. 31.

⁴ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 36.

затем эти сказки по-карельски. Вольность пересказа подтверждается, например, появлением в вариантах карельской сказки об исцелении Ильи Муромца и его столкновениях с Соловьем-разбойником и Идолищем¹ упоминания о молитве бездетных родителей в церкви и выбора имени Ильи, которые имеются также в древних рукописях русских былин, обнаруженных в Архангельской и Калининской областях². В других древних рукописных сказках на былинные сюжеты³, а также в одной из записей XIX века⁴ тоже встречается мотив молитвы бездетных родителей, отсутствующий в вариантах русских былин об исцелении Ильи.

Сюжет об исцелении Ильи в вариантах карельской сказки контаминируется либо с сюжетом о встрече Ильи со Святогором, либо с рассказом о его борьбе с Идолищем и Соловьем-разбойником. Но в одном тексте карельской сказки, записанном от Г. Ф. Артемьева из д. Маслозеро Кемского района, контаминируются сюжеты об исцелении Ильи Муромца, о его борьбе с Соловьем-разбойником и встрече со Святогором. А в записи от Н. А. Артемьева из д. Виллала Олонецкого района КАССР сюжет об исцелении Ильи (здесь — Илья Мурина) дается без контаминации с другими сюжетами об этом богатыре. Согласно названной записи, Илья Муринов до 30 лет лежал без рук, без ног, но пришел к нему мужик, попросил квасу, исцелил Илью, но после того, как Илья пожелал стянуть вместе небо и землю, если бы в них были кольца, убавил его силу⁵.

В контаминированной карельской сказке «Илья и Святогор», записанной от сказителя-карела Пряжинского района С. И. Иванова, желание сдвинуть вместе небо и землю за кольца высказывается как исцеленным Ильей (здесь — Ильмо), так и Святогором во время единоборства с Муромцем, что ведет к гибели Святогора, не способного поднять с земли суму. Наличие в прибалтийско-финской эпической поэзии рассказа о том, что герой не мог поднять с земли на первый взгляд незначительный груз, позволило С. К. Шамбинаго⁶, а вслед за ним и В. Ф. Миллеру высказать мысль о финско-эстонском происхождении сказаний о Святогоре. Их точку зрения поддержал финляндский филолог А. О. Вяйсянен⁷. Не решая этого вопроса, отметим, что сравнительно редкая былина о Святогоре распространена лишь на русском Севере, в районах, прилегающих к местам расселения карел, коми и других финно-угорских народов. Нельзя не указать и на то, что все имеющиеся в нашем распоряжении варианты карельской сказки, в которых контаминируются сюжеты об исцелении Ильи и его единоборстве со Святогором, записаны в западной части Пряжинского района КАССР.

В то же время контаминация сюжетов об исцелении Ильи и его столкновении с Идолищем поганым, судя по старым и новым записям карельской сказки, характерна для вариантов, записанных в средней Карелии, а также от карел Калининской области, иными словами, она характерна для тех групп карел, которые жили в Приладожье до своего переселения в тверские края и в среднюю Карелию, где в былые времена находились «лопские погосты». В 70-е годы XIX века финляндский фило-

¹ В вариантах, записанных в Олонецком районе от М. Ф. Филиппова и в Пряжинском районе от А. Е. Богдановой.

² Былины в записях, в пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960, № 13 и 14, стр. 104—111.

³ Там же, № 10—12, стр. 92—104.

⁴ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. М., 1957, т. III, № 310.

⁵ Архив КФАН, колл. 136.

⁶ С. К. Шамбинаго. Старины о Святогоре и поэмы о Калевипозге. „Журн. М-ва народного образования“, 1902.

⁷ А. О. Väisänen. Muinais-Venäjäin sankarirunoja. Porvoo—Helsinki, 1946, стр. 155.

лог Генетц на карельском языке записал в с. Паданы сказку об исцелении Ильи и его столкновении с Идолищем поганым¹, а совсем недавно карельская сказка с контаминацией этих сюжетов записана в д. Захарово Козловского района Калининской области.

В перечисленных записях карельской сказки сюжет об исцелении Ильи контаминируется только с сюжетом о поединке Муромца с Идолищем поганым. В южнокарельских же, ливвиковских, вариантах сказки об Илье Муромце, записанных в Олонецком районе и в восточной части Пряжинского района КАССР, по почтовому тракту Олонец — Петрозаводск, между повествованием об исцелении Ильи и рассказом о его поединке с Идолищем включивается изображение встречи Ильи Муромца с Соловьем-разбойником и расправы с последним в Киеве, как например, в записи от сказителя-карела М. Ф. Филиппова, служившего во время первой мировой войны в воинской части в Киеве. В других вариантах, в частности, в записи от В. А. Гордеева из южной Карелии, с этими сюжетами контаминируется также сюжет встречи Ильи со Святогором, который назван Лазарем Лазаревичем. В сказке В. А. Гордеева повествуется о том, как Илья после своего исцеления встречается с Соловьем, привозит его к князю Владимиру, убивает его; уезжая из Киева, попадает в карман Лазарю Лазаревичу, состязается с ним на горе, получает от него силу умирающего богатыря, наконец, встречает богатыря-обжору, которого убивает своей шапкой.

Редкая контаминация сюжета об исцелении Ильи с сюжетом о победе над Соловьем-разбойником имеется в записи сказки на карельском языке от Т. Е. Туруева. Сказка представляет значительный интерес с точки зрения бытования этого былинного сюжета среди карел так же, как и отмеченный уже П. Н. Рыбниковым случай исполнения былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (без контаминации с сюжетом исцеления Ильи) сказителем-карелом д. Кяменицы Повенецкого уезда Лазаревым².

Карельские сказки об Илье Муромце интересны разнообразием контаминаций былинных сюжетов и своеобразной разработкой отдельных мотивов и деталей. Так, в вариантах, записанных в Пряжинском районе от П. Т. Прокопьева и А. С. Вороновой, дан эпизод расчистки покоса — пожни родителями Ильи, а в сказке Е. Е. Сидоровой из Лоухского района родители Ильи едут на рыбную ловлю. В записи от А. С. Вороновой, кроме того, отмечается, что сам Илья идет не расчищать пожню (как у П. Т. Прокопьева), а ставить изгородь вокруг поля, где посеяна репа.

Среди подвигов Ильи Муромца сооружение им огромной изгороди изображается не только в варианте А. С. Вороновой, но и в тексте, записанном от В. А. Гордеева. Подобный эпизод имеется также в карельской сказке «Иван Куропеевич»³, согласно которой герой, крестьянский сын Иван, идет делать изгородь в лесу, проявляет необычайную силу (ворочает деревья подобно Илье Муромцу) и потом просит родителей купить ему богатырского коня. Следует, однако, отметить, что для русских вариантов сказки об Илье Муромце мотив огромной изгороди не характерен.

Любопытно также варьирование в этой сказке мотива покупки коня для Ильи Муромца. В одних вариантах этот мотив не детализируется,

¹ „Suomi“, II jakso, 14 osa. Helsinki, 1880, стр. 9—10; см. также „Karjalan kielen näytteitä“. III. Helsinki, 1934, стр. 42—51.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2, стр. 3.

³ Архив КФАН, колл. 132, зап. от В. Н. Сорокина в д. Сармяки Олонецкого района.

но, например, в записи от П. Т. Прокопьева подчеркивается жадность попа, запрашивающего за коня все большую и большую сумму.

В одной из записей от того же сказителя дается сказочный эпизод нахождения в амбаре (который запрещено открывать) девушки-наложницы Святогора, наговаривающей на Илью Муромца, а в сказке, записанной в Пряжинском районе от С. И. Иванова, мотив соблазнения Ильи неверной женой Святогора разработан более детально, но эпизода нахождения ее в амбаре нет.

Варьируются и другие детали разных текстов карельской сказки об Илье Муромце. Чаще всего в карельских сказках исцеляют Илью калики перехожие, странники, но в варианте Е. Е. Сидоровой они заменены богом. В большинстве карельских сказок родители Ильи — крестьяне, но в записи из Калининской области Илья Муромец назван поповичем, на родителей которого работают батраки. Можно отметить ряд других мелких деталей. Например, согласно сказке М. Ф. Филипповой, Идолище по своей прожорливости сравнивается не с коровой, как в других вариантах, а с кобылой; такой мотив встречается в лубочном издании «История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике»¹. В этой же карельской сказке имеются, в частности, такие новые бытовые детали, как упоминание нагайки и трехствольного ружья, с которыми Илья Муромец едет в Киев.

Исцеление Ильи по одним вариантам происходит тогда, когда он выпил миску воды (у А. С. Вороновой), по другим — ведро квасу (у В. А. Гордеева), по третьим — рюмку вина (у И. Г. Цветкова), а то и просто глоток вина (у Е. Е. Сидоровой) или бутылочку с каплями, извлекаемую из портфеля (у С. И. Иванова). В. А. Гордеев в сказке об Илье Муромце заставляет богатыря называть Илью Муромца «товарищем», а самого Илью — представиться князю Владимиру «Ильичем».

Своеобразна поэтика карельских сказок на былинные сюжеты. С одной стороны, для карельских сказочных текстов об Илье Муромце характерны художественные особенности карельских сказок на другие сюжеты, с другой — в них имеются стилистические приемы, свидетельствующие о явном влиянии былинной поэзии. Например, в карельском тексте сказки Т. Е. Туруева «Исцеление Ильи и Соловья-разбойник» появляется инверсия, которую можно объяснить синтаксическим строем русского языка и, в данном случае, влиянием русской былины. В этом варианте сказки, в отличие от былин Туруева на тот же сюжет, сильно нарушен былинный размер. Другие туруевские тексты этой былины в отличие от его сказки не содержат эпизода встречи Ильи с детьми Соловья и приезда Ильи в Чернигов. Сказочный текст Т. Е. Туруева является контаминацией двух литературно обработанных Авенариусом русских былин². Из его сказки выпали многие постоянные эпитеты, характерные для вариантов, исполненных былинным размером и вообще для всех записей русской былины. Для варианта карельской сказки «Исцеление Ильи и Идолище», записанного в Калининской области, как и для записи той же сказки, сделанной А. Генетцем в XIX веке в с. Паданы, характерно, что к названию шляпы, которой Илья убивает Идолище, примыкает эпитет «железная»³.

¹ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. III, № 308.

² В. П. Авенариус. Книга о киевских богатырях, № 9, 10.

³ „Suomi“, II, 14.

Можно было бы остановиться на многих особенностях стиля карельских сказок об Илье Муромце, на своеобразных явлениях их поэтического языка, содействующих типизации художественных образов, но сказанного вполне достаточно.

Автор данной статьи не преследовал цели дать окончательный ответ на вопрос о путях проникновения в среду карел русских былин в сказочной форме. Такой ответ может быть дан после дополнительного сбора материала.

Необходимо продолжить выявление новых вариантов карельских сказок на былинные сюжеты по возможности в большем количестве карельских населенных пунктов, чтобы точно установить, насколько широко среди карел бытуют подобного рода фольклорные произведения.
